

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ
АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Бой Тигров
в Долине

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Маринина, Александра.
М26 Бой тигров в долине / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2020. — 672 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-699-80830-4

Упав с балкона одного из московских домов, на смерть разбилась молодая девушка Екатерина Аверкина. Многие соседи, гулявшие в этот момент во дворе, видели, как Катю столкнула вниз ее старшая сестра Наташа. Ее сразу арестовывают. Девушка в шоке — во время трагедии она... гуляла по Москве со своим молодым человеком Ленаром! Но доказать это невозможно — свидетельские показания перечеркивают все доводы Наташи, и, кажется, ничто не в силах ей помочь. Однако делом Аверкиной-старшей заинтересовались адвокат Виталий Кирган и оперуполномоченный Антон Сташис. В ходе расследования они обнаруживают неожиданные факты, которые в конце концов приведут их к ошеломляющей разгадке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80830-4

© Алексеева М. А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Не делай людям того, чего не
желаешь себе.

Конфуций

Бывший старший участковый Валентин Семенов все еще не мог понять, нравится ему его новая работа или нет. Семью надо кормить, поэтому из рядов органов внутренних дел он уволился и поступил на работу в частное детективное агентство. Там платили куда больше, а вот насчет того, интересна ли работа, — это еще надо посмотреть. Вот, к примеру, задание, которое он получил сейчас, было ему совершенно непонятно. Дурь какая-то! И кому это нужно? И зачем? Конечно, задание сложное, и выполнял он его не в одиночку — все агентство трудилось без сна и отдыха несколько недель, а докладывать и вообще общаться с заказчиком хозяин агентства поручил именно ему, Валентину. Чего-то не понравился хозяину заказчик, а уж как там и чего — Семенов вникать не стал. Ему велели — он делает.

И не сказать чтоб самому Валентину этот заказчик нравился. Крученный он какой-то, денег куры не клюют, это сразу видно, и мужик, видимо, просто с жиру бесится, не знает, на что потратить. И требования у него странные, не знаешь, как угодить. Смотрит на Валентина с загадочной усмешкой и цедит:

— Нет, это категорически не пойдет, я же предупреждал: никаких больных детей и умирающих пре-

старелых родителей, никаких наркоманов и игроманов, нуждающихся в срочном лечении. Здесь нет дилеммы, здесь решение очевидно. Мне нужны более тонкие, неоднозначные варианты.

Тонкие варианты... Понимать бы еще, что это такое. Семенов быстро пролистал толстую папку с распечатками, выбирая то, что не связано с необходимостью дорогостоящего лечения по жизненным показаниям. Осталось совсем мало, всего пятнадцать вариантов, даже стыдно такое докладывать. А ведь было-то больше восьмидесяти! По дороге сюда, на встречу с заказчиком, которая почему-то назначена в пятизвездочной гостинице в центре Москвы, да еще в выходной день накануне Восьмого марта, Семенов то и дело косил глазами на толстую папку и предвкушал удивление, дескать, надо же, как много сделано, какой объем работы провернули! Он был уверен, что заказчик останется более чем доволен. А он и не доволен вовсе, вон морду кривит, головой качает. И прихвостни его, мужик и баба, что сидят по обе стороны длинного стола, тоже в такт ему кивают, соглашаются. Валентин досадовал сам на себя: лица-то он запоминает влет, один раз увидел человека — и всё, уже не забудет, а вот с именами беда, не держатся они у него в голове — хоть плачь. И имя заказчика ему сто раз говорили, и прихвостней этих представили, как только он вошел, а у него в памяти пустота — ни фамилий не может вспомнить, ни имен. Ну да ладно, пусть так и остаются: заказчик, мужик и баба. Так проще, по крайней мере он не запутается.

— Так что, медицинскую проблематику вообще не предлагать? — спросил Валентин.

— Нет, отчего же, — усмехнулся заказчик, — медицинская проблематика годится, только болезни должны быть нетяжелыми, и проблема лечения не должна носить витальный характер. Можно лечить, а можно и не лечить, никто не умрет. У человека должен быть выбор, понимаешь?

Выбор... Можно лечить, а можно и не лечить... Черт его разберет, что у него в голове, у заказчика этого. Семенов вздохнул и продолжил докладывать, с сожалением глянув на красивую чашку с остывающим чаем. Чай здесь подали необыкновенно вкусный, Валентин такого сроду не пробовал, а вот допить никак не получается, все время приходится говорить. Надо бы узнать, что это за сорт, как называется, может, он не сильно дорогой и вполне можно будет купить. Солнечный луч украдкой протиснулся между не до конца сдвинутыми полотнищами тяжелой шторы и медленно полз поперек длинного стола, достигнув открытой коробки с шоколадными конфетами ручной работы. Ну вот, если коробку не сдвинуть, шоколад начнет подтаивать, и конфету уже нельзя будет взять, не рискуя перепачкаться. Значит, их есть не станут. А ведь такие деньги заплачены! Эх, эту коробку бы ему домой забрать, пусть бы дети порадовались.

Он думал про конфеты и одновременно говорил, глядя в бумаги.

— Нет, — подал голос мужик среднего роста, симпатичный, но в целом невзрачный, зато в дорогом костюме, со вкусом подобранной рубашке и в галстук, на котором красовалась знаменитая Горгона Версаче, — открытие нового бизнеса тоже не годится, тут я против.

— Почему? — удивилась женщина, сидящая напротив него, красивая стройная брюнетка лет тридцати трех или чуть больше, в деловом черном костюме, с длинными блестящими волосами, собранными на затылке в строгий тяжелый узел. — Разве это не проблема?

— В наше время? — ехидно хмыкнул мужчина в галстук от Версаче. — Это более чем сомнительное предприятие. Страна еще из кризиса не выбралась, сейчас открывать новый бизнес может только самоубийца. Или полный идиот. И деньги на это давать тоже может только полный идиот.

Вот в этом Семенов был с ним полностью согласен и начал испытывать к обладателю галстука нечто вроде симпатии. Невзрачный-то он невзрачный, а голова соображает, не то что у некоторых.

— Но банки же выдают кредиты... — попыталась возразить брюнетка. — В том числе и под бизнес-планы.

— То банки, а то — частное лицо. Нет, нормальный человек на это не пойдет. Рискованно, бессмысленно. В общем, нет.

Голос невзрачного мужчины прозвучал твердо, но Семенову показалось, что он отчего-то нервничает. Впрочем, наверное, просто показалось, ибо поводов для нервозности Валентин не видел. Брюнетка бросила на коллегу быстрый острый взгляд, в котором Семенову почудилась хорошо скрываемая досада. Что-то между этими прихвостнями происходит, подумал он, какие-то у них терки между собой.

Семенов посмотрел на заказчика, но тот промолчал, только губами пожевал. Он вообще говорил мало, сидел развалившись, внимательно слушал, погля-

дывал на своих прихвостней и легонько усмехался. Чему именно — Семенов не понимал. Заказчик — мужиковатый, с грубо вылепленным лицом крестьянина и цепкими умными глазами — довольно странно смотрелся в обставленных дорогой мебелью президентских апартаментах отеля. Надень на него другую одежду — и в жизни не подумаешь, что миллионер. А вот внешние атрибуты недвусмысленно показывают, что не бедствует человек. На крупном, покрытом рыжеватыми волосами запястье левой руки поблескивают часы ценой в приличный автомобиль. Что уж говорить о стоимости этих апартаментов!

— Что у тебя еще есть? — негромко спросил он.

Валентин с сожалением отложил листок и вытащил следующий.

— А вот это неплохо, — в голосе заказчика зазвучало одобрение, — это пойдет. Как вы считаете?

Он переменил позу, нагнувшись вперед и опершись локтями о столешницу, при этом рукав пиджака сдвинулся, и Валентину бросились в глаза бриллиантовые запонки на манжетах сорочки. В общем-то, он не был таким уж знатоком, чтобы на расстоянии трех метров отличить настоящий бриллиант от страза, но разве кому-нибудь придет в голову, что человек с такими дорогими часами станет носить запонки с поддельными камушками?

Заказчик внимательно посмотрел на своих помощников, мужчина с Горгоной энергично закивал, дескать, согласен полностью, а красивая брюнетка только многозначительно улыбнулась. Заказчик на некоторое время задержал на ней взгляд, словно изучал. И вообще, Семенову показалось, что этому человеку куда интересней наблюдать за своими при-

хвостными, чем слушать его доклад. Черт возьми, да в чем же тут фишка-то?!

— Значит, решено, этот вариант оставляем. — Заказчик легонько ударил рукой по столу. — Давай дальше.

Семенов послушно продолжил докладывать. Его то и дело перебивали:

— Это не годится, это слишком однозначно...

— Это не пойдет, здесь не будет коллизии...

— Это нормально, оставляем...

Как ни силился бывший участковый, ему так и не удалось установить закономерность, в соответствии с которой одни предлагаемые варианты отвергались, а другие принимались. Лично ему они все казались одинаковыми.

— Спасибо, Валентин, — сказал ему на прощание заказчик, и Семенов с удивлением и даже уважением подумал о том, что этот миллионер в отличие от него самого имя докладчика запомнил. — Ваша контора проделала хорошую работу. Мы посоветуемся, выберем из того, что вы нам предложили, окончательный вариант и поставим вашего шефа в известность.

— Зачем? — удивился Семенов, собирая бумаги в папку. — Вы не обязаны.

— Ну, разумеется, я не обязан, — рассмеялся заказчик, и в этом смехе Валентину послышалось высокомерие барина, соизволившего посмеяться шутке холопа. — Но это необходимо, потому что именно с этим окончательным вариантом вашей конторе предстоит работать и дальше. Нам нужна будет информация, много, очень много подробнейшей информации, и собирать ее будете именно вы. Я вашу контору купил на корню, и на долгий срок, имей это

в виду. Так что мы с тобой еще встретимся, и не один раз. Будешь регулярно приезжать сюда с докладами, с твоим шефом я уже договорился, никого другого мне тут не надо.

Именно так и сказал: «мне тут не надо». Не «нам», а «мне». Ему лично то есть. А как же брюнетка и симпатичный мужичок с Горгоной? Они не будут больше присутствовать, когда Валентину придется докладывать? Зачем тогда сейчас они здесь? Да и про информацию он говорил: «нам нужна будет». Голову сломаешь с этими миллионерами! Никогда не угадаешь, что у них на уме. Нет, скорее всего прихвостни тоже будут здесь, просто этот заказчик считает себя пупом земли, привык быть самым главным для самого себя, а других вовсе не замечать.

«Тоже мне, обрадовал, — думал Семенов, спускаясь в лифте на первый этаж. — Вот счастье-то — видеть эти рожи. Контору нашу он, видите ли, на корню купил! Терпеть не могу таких людей, которые считают, что могут купить всё и всех. Впрочем, может, я зря гоню, не такие уж они и противные, а если честно — то совсем не противные, вежливые, чаю подали, не хамят, не грубят. Заказчик на «ты» обращается, не очень-то это приятно, но ничего, я привычный, в ментовке у нас тоже все начальники подчиненным «тыкают». Может, все еще и обойдется без крови».

В июле 2010 года в Москве стояла страшная жара, и даже за городом, где Владимир Григорьевич Забродин построил особняк, спасения от нее не найти. Если только жить под струями прохладного воздуха из кондиционера...

Воскресенье для миллиардера Забродина обычно ничем не отличалось от будних дней, кроме одного: он завтракал вместе с женой Анной, которая много и активно работала, вставала и уезжала в Москву с утра пораньше и только в выходные дни могла себе позволить выходить к завтраку одновременно с мужем. Вот и сегодня она сидит напротив Забродина за длинным столом с мраморной столешницей, спортивная, подтянутая, в шортах и легком топике, и поглядывает на него то настороженно, то излишне внимательно, словно чем-то обеспокоена и хочет о чем-то спросить, но не решается. Однако все-таки решилась:

— Такая отвратительная погода, и никакого облегчения в ближайшее время синоптики не обещают. Почему ты никуда не едешь? Ты же всегда в июле стараешься уехать туда, где поприятнее климат, а в этом году ты и на новогодние каникулы не уезжал, и теперь в Москве сидишь. У тебя что, сложная ситуация в холдинге?

Забродин сделал глоток чаю и задумчиво посмотрел на жену, прикидывая, сказать ей правду или солгать что-нибудь простенькое и понятное. Обманывать жену у него привычки не было, Анна слишком умна, чтобы давать ему повод сказать неправду, она никогда за все совместно прожитые годы не задала ему неудобного вопроса, на который нельзя было бы ответить честно. Разумеется, Забродин ей изменял, он всю жизнь постоянно менял женщин, потому что они быстро ему надоедали, и ни одной из своих трех жен он не сумел сохранить верность даже в первый год после свадьбы. Но Анна была единственной из них, кто не выказывал подозрений и сомнений в его супружеской честности. Владимир Григорьевич отда-

вал себе отчет в том, что эти сомнения и подозрения у жены наверняка были, но у нее хватало внутренней выдержки и самообладания, чтобы их не демонстрировать. А ни по какому другому поводу врать Анне смысла не было. Да и вряд ли у него получилось бы, потому что Анна — опытный психолог, психотерапевт, она в людях разбирается едва ли не лучше, чем сам Забродин, а уж в своих-то способностях видеть людей насквозь Владимир Григорьевич был более чем уверен.

— Анюта, скажу тебе честно, — улыбнулся он. — Надоело все — сил никаких нет.

В глазах жены он заметил искорки внезапного интереса. Все-таки профессиональный психолог, никуда не денешься.

— Что значит — надоело? Ты хочешь избавиться от своего хозяйства? Продать холдинг?

— Да нет, до этого пока не дошло. Но скучно мне, понимаешь, девочка?

Анне Забродиной уже исполнилось сорок пять лет, но с высоты своего возраста Владимир Григорьевич, справивший в прошлом году шестидесятилетие, считал возможным называть ее «девочкой» и относился как к молодой и малоопытной, несмотря на крепкую профессиональную репутацию жены и ее ученое звание доктора наук.

— Скучно? — переспросила Анна чуть тревожно и снова присела к столу, из-за которого уже встала, готовясь уйти работать в свой кабинет.

— Скучно, — повторил он. — Я без малого двадцать лет ездил за границу, объездил практически весь мир, и что? Еще год назад мне это было интересно, меня это будоражило, развлекало, я получал удоволь-

ствии от путешествий, от новых стран, новых пейзажей, новой кухни. И вдруг понял, что больше не хочу. Мне больше не интересно.

— А ты себя хорошо чувствуешь? — заботливо спросила Анна. — Ничего не беспокоит? Может быть, пришло время обратиться к врачам? Нет?

Вот еще, этого только не хватало! Да у него здоровья — на семерых хватит. Не к «мозгоправу» же идти с такой проблемой, тем более дома и без того есть свой собственный психотерапевт. Но в профессиональных услугах жены он не нуждается, он прекрасно справится сам. И он уже придумал, как именно это сделать. Надо успокоить Анну, пусть не волнуется; к тому же и повода для волнений нет ни малейшего.

— Да нет, Анята, со мной все в порядке. Вся моя скука — здесь, — показал он на голову и на сердце. — Накушался я. Всё, больше ничего не хочу. Кураж пропал. Азарта нет. Ты не беспокойся, я здоров.

Она подошла и ласково взъерошила волосы на его голове.

— Володенька, ты просто ужасно устал. Это и немудрено, если учесть, сколько лет ты непрерывно и напряженно работаешь. Все-таки владеть и руководить таким огромным холдингом — это невероятно тяжело. Скука пройдет, ты отдохнешь какое-то время, и все наладится, не грусти. А может, это и к лучшему, что ты никуда не будешь ездить. Посиди дома, книжку, наконец, почитай. А то ты, по-моему, за последние пятнадцать лет ни одной книги не прочел, а ведь сейчас столько всего интересного издают. Или кино хорошее посмотри, сейчас все хорошие фильмы есть на дисках, в том числе и классика, и наша, отечественная, и зарубежная.

Книги! Пятнадцать лет! Да Забродин не то что пятнадцать, он сорок пять лет ничего не читал. Последняя прочитанная им книга была в списке обязательной литературы в десятом классе, «Молодая гвардия» Фадеева. На этом знакомство с художественной литературой Владимир прекратил навсегда. Ему не интересны были чужие судьбы и переживания, он всю жизнь думал только о том, как заработать деньги, и побольше, и как их потратить, чтобы получить удовольствие. Ну и, разумеется, о том, как их приумножить. Что же касается фильмов, то у него просто не было свободного времени для того, чтобы сесть перед экраном домашнего кинотеатра, поставить диск и спокойно посмотреть картину. Не тот образ жизни ведет Владимир Григорьевич, чтобы предаваться такому времяпрепровождению. Он, конечно же, включал телевизор, если бывал дома и у него находилось немного свободного времени, что случалось нечасто, но то, что показывали, его не устраивало, потому что показывали в основном боевики или какие другие шедевры про борьбу хороших парней с плохими. У таких картин лекало было выкроено по голливудскому стандарту, то есть с самого начала известно, что хорошие парни победят плохих. А это Забродину скучно, не любит он предсказуемых финалов, драйва нет. Была бы у него возможность, он бы смотрел другие картины, например японских кинорежиссеров, у которых менталитет совсем не американский и даже не европейский, и никогда не знаешь, чем закончится фильм. Правда, Аня говорила, что в сороковые-пятидесятые годы в Голливуде еще не было такого стандарта и фильмы этого периода ему понравились бы, но он ей не верил. У него